

В. В. ФИЛАТОВ

Икона с изображением сюжетов из истории Русского государства

Иконы с клеймами житий, обрамляющих изображение почитаемого святого, являют собой не что иное, как лицевое житие, скупо оснащенное текстом. Подобного типа иконы помещали в церквях в местном ряду иконостаса или внизу стен и столбов. Рассчитаны они были на популяризацию средствами изобразительного искусства подвигов канонизированного лица и приписываемых ему чудес. Одним из наиболее почитаемых русских подвижников был Сергей Радонежский. В настоящее время известно 12 икон с клеймами жития Сергия.¹ Сравнительно с популярностью его почитания это число представляется необычайно малым. Наибольшую популярность и самостоятельность в иконографии Сергия получил сюжет «Явления Богоматери Сергию». В иконах же, иллюстрирующих «Житие», этот сюжет бывает представлен в одном из клейм.

При рассмотрении тематики клейм в иконах «Сергия с клеймами жития» наблюдается определенный подбор их. Есть сюжеты, обязательно присутствующие на всех иконах; к ним относятся Рождение младенца, Получение отроком Варфоломеем книжного разума, Изгнание бесов молитвами, Посвящение Сергия в священники, Изведение источника в монастыре, Воскрешение отрока, Исцеление слепого епископа, Явление Богоматери, Видение во время литургии, Преставление или погребение Сергия, Обретение мощей. Другие же сюжеты из списков «Жития Сергия» извлекаются заказчиками и изображаются художниками по выбору. В одних иконах особенно обращается внимание на исцеление болезней. В этом отношении следует особо выделить икону XVII в., происходящую из церкви Зосимы и Савватия при больничных палатах Троицкой лавры. Такие же важные в жизни Сергия и в судьбе Русского государства сюжеты, как Благословение Дмитрия Донского на борьбу за освобождение России от ханского ига (на Куликовскую битву) или примирение князей, встречаются только на единичных иконах. Одиннадцать из двенадцати известных икон «Сергия с клеймами жития» написаны по тексту, составленному Епифанием в первой половине XV в., переработанному и дополненному Пахомием Логофетом в середине XV в., и только одна икона написана по «Житию Сергия», составленному келарем Троицкого монастыря Си-

¹ Пять икон находятся на территории Загорского историко-художественного музея-заповедника и относятся они ко времени, начиная с конца XV до конца XVII в.; две иконы хранятся в Гос. Третьяковской галерее (№ 12735 происходит из Высоцкого Серпуховского монастыря и № 12123 — из собрания И. С. Остроухова), одна икона в Гос. Русском музее (поступила из собрания Н. П. Лихачева); одна икона в Ярославском историко-художественном музее-заповеднике (публикуемая); одна — в Дмитровском краеведческом музее и одна — в Костромском музее-заповеднике; одна — в Успенском соборе Московского Кремля.

моном Азарьиным (рис. 1). Икона эта, принадлежащая Ярославскому историко-художественному музею-заповеднику, единственная из всех известных, имеет 24 клейма, обрамляющих средник. В нем по сторонам фигуры Сергия, на фоне, изображено еще семь сюжетов, а внизу, под рядом житийных клейм, добавлена доска с изображением Куликовской битвы.² Кроме сюжетной стороны выбранных тем для иконы, непосредственная связь ее с «Житием», написанным Симоном Азарьиным, подчеркнута номерами глав, которые художник ставит после каждой поясняющей изображение надписи.

«Житие Сергия» Симоном Азарьиным было написано и напечатано в 1646 г.³

В издании этом помещены жития Сергия, Никона Радонежских и Саввы Сторожевского. «Житие Сергия» имеет 99 глав: первые пятьдесят три главы напечатаны по редакции Пахомия Логофета, остальные сорок шесть глав написаны Симоном Азарьиным. Принадлежность первых пятидесяти трех глав перу Епифания Премудрого и Пахомия Логофета подтверждает концовка главы 53: «Сия же аз смиренный таха иеромонах Пахомий писах, яко пришедшу ми во обитель святого и видех чюдеса бывающая от раки богоносного отца. Уведовав же и ина от самого ученика блаженного, иже многа лета, паче же от самого возраста юннаго живша со святым, глаголю же Епифания, известно ведуща блаженного, иже по ряду сказоваше и мало что написа zde о рождении и о возрасте его и о чюдотвореных, о житии же и о преставлении свидетельствующим мне. . . Сия же написах, яко да не забвению предана будут от нерадения нашего в последния сия времена».⁴

Кроме этого, авторство Симона Азарьиных следующих глав, убедительно доказано С. Смирновым⁵ и С. Ф. Платоновым.⁶ Личность Симона Азарьиного и интересующий нас труд в общих чертах достаточно полно охарактеризованы В. Ключевским.⁷ Азарьин происходил из слуг княгини Мстиславской, постригся в монахи. «Вероятно, в монастыре приобрел он книжное образование и литературный навык. Он оставил много собственноручных рукописей и несколько произведений, дающих ему место среди хороших писателей древней России. Его изложение, не всегда правильное, но всегда простое и ясное, читается легко и приятно, даже в тех обязательно-витиеватых местах, где древнерусский писатель не мог отказать себе в удовольствии быть невразумительным. По воле царя Алексея Михайловича Симон приготовил к печати житие преп. Сергия, написанное Епифанием и дополненное Пахомием, подновив слог его и прибавив к нему

² В. В. Филатов. Изображение «Сказания о Мамаевом побоище» на иконе XVII в. — ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 397—408.

³ «Начата же бысть печатати сия богодухновенная книга, преподобных чюдотворцев Сергия и Никона службы и жития их и о чюдесех списания, в лето 7154-е месяца августа, в 11 день на память положения честнаго пояса пресвятяы богородицы в Халкопратии. Совершена же бысть в лета 7155 го месяца ноемвория в 27 день, на память святого мученика Иякова Перскаго. . .».

⁴ Книга жития преподобного отца Сергия Радонежского чюдотворца и учеников его Никона и Саввы Стороженского. М., 1646 (далее: Азарьин. Житие), лл. 118 об.—119.

⁵ См.: ВОИДР, 1851. кн. X (далее: Временник), где впервые опубликовано было Предисловие Троицкого келаря Симона Азарьиного к сказанию о новоявленных чюдесах преп. Сергия», написанное им в 1653 г., т. е. через семь лет после печатного издания «Жития».

⁶ С. Ф. Платонов. Книга о чюдесах пр. Сергия. Творение Симона Азарьиного. — ПДП, т. LXX, СПб., 1888 (далее: ПДП, т. LXX).

⁷ В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871 (далее: В. Ключевский. Древнерусские жития. . .).

ряд описанных им самим чудес, которые совершились после Пахомия в XV—XVII в. Эта новая редакция вместе с житием игумена Никона, похвальным словом Сергию и службами обоим святым напечатана была в Москве в 1646 г. Но мастера печатного дела отнеслись с недоверием к повести Симона о новых чудесах, напечатали из нее 35 рассказов, некоторые неохотно и с поправками».⁸

Всего при составлении «Жития Сергия» Симон Азарьин дополнил 46 глав, из которых 30 оригинальные тексты Азарьина и 16 глав являются извлечениями из различных источников. В число этих глав входят как раз наиболее интересующие нас сюжеты, связанные с иконой Ярославского музея-заповедника. Это главы о рождении Василия III, осаде города Опочки, присоединении горных черемис и основании г. Свияжска, покорении Казанского ханства, осаде Троицкой лавры и Москвы, т. е. это те самые главы, которые, по словам Азарьина, он заимствовал в древних письменах: «...от летописных книг избравше и от книги осадного сидения самого того Сергиевы обители» Авраамия Палицына.⁹ Сохраняя неприкосновенность Пахомиевой редакции «Жития», Азарьин не дополняет те скудные сведения, которые связывали деятельность Сергия с историей Куликовской битвы. Вероятно, это и послужило причиной того, что художник, написавший интересующую нас икону, упускает такой важный исторический сюжет, как Куликовская битва. Оплосность эта спустя несколько лет была обнаружена каким-то любителем истории и написана на доске, прикрепленной снизу к основному произведению.

Попытаемся раскрыть источники, которые привлек Симон Азарьин для составления интересующих нас глав, следуя принятому автором порядку их изображения на иконе.

Глава 54 — «Чудо о чудесном зачатии и о рождении великого князя Василия Ивановича всея Руси самодержца» — вся выписана из глав 16-й и 5-й пятнадцатой степени «Степенной книги»¹⁰ почти без изменений. Симон Азарьин внес незначительные перефразировки в отдельные выражения и изменил транскрипцию некоторых слов, сообразуясь с грамматическими правилами и литературным стилем своего времени, а также сделал перестановку одной фразы на другое место, что получилось, возможно, от пропуска во время переписки.

«Житие» Азарьина

И отгуду исходящи ей во удоль, иже близ самые обители, и внезапно зрит очевидно в стретение грядуща священнолепна инока, имуща в руках своих отроча младо. И позна его по образу быти, преподобнаго чудотворца Сергия. Приближшу же ся ему к ней и напрасно вверже в недра, великой княгине и абие невидим бысть (л. 120 об.—121)

Степенная книга

Оттуда же исходящу ей во удоль, иже близ самая обители, и внезапно зрит очивесть во стретение грядуща священнолепна инока, его позна по образу быти преподобнаго чудотворца Сергия, имуща в руке отроча младо, мужеск пол, его же напрасно вверже в недра великой княгине и абие невидим бысть (стр. 555)

Несколько строк окончания 54-й главы, сообщающие краткую родословию Софии Палеолог, взяты Азарьиным из главы 5-й той же пятнадцатой степени.¹¹ Только одна фраза родословия великого князя Ивана Ва-

⁸ Там же, стр. 350, 351.

⁹ Временник, стр. 6.

¹⁰ ПСРЛ, т. XXI, ч. 2, СПб., 1913, стр. 555. Текст совпадает полностью с Никонской летописью по Шумиловскому списку (ПСРЛ, т. XII, СПб., 1901, стр. 191). Близость эта не случайна, так как «Степенная книга» составлена, как известно, на основании летописей и хронографов.

¹¹ ПСРЛ, т. XXI, ч. 2, стр. 542.

сильевича, доведенная Азарьиным до прадеда его, «достохвального великого князя Дмитрия Ивановича, еже преславно и пресветлу победу показавшего за Доном на безбожного и злочестивого царя Мамаю», с которой начинается 54-я глава, написана, вероятно, самим Азарьиным. Сама же легенда «о чудесном» рождении великого князя Василия как устное предание возникла, вероятно, в период между 1490 и 1505 гг., в разгар борьбы за престолonasледие, чтобы оправдать притязания на великое княжение второго сына московского князя, рожденного от брака с Софией Палеолог. Особенно она разгорелась после смерти (в 1490 г.) первого сына Ивана, рожденного от княгини Марии, дочери тверского князя Бориса Алексеевича, когда большинство бояр стояло за назначение наследником не сына Василия от Софии Палеолог, а его внука Дмитрия, сына умершего князя Ивана. Борьба эта в 1498 г. привела к поражению партии Софии Палеолог, и законным наследником был признан внук великого князя Дмитрий Иванович, но уже в 1499 г. сын Софии Палеолог Василий Иванович был пожалован великим князем Новгородским и Псковским. В 1502 г. Дмитрий Иванович был отстранен от власти и единственным великим князем остался Василий Иванович.¹² Как известно, в России было принято все великие события ознаменовывать вкладом в чтимые монастыри. В ризнице Троице-Сергиевой лавры в настоящее время хранится драгоценная шитая пелена, пожертвованная Софией Палеолог в 1499 г., вероятно, в память названных выше событий, закрепивших в некоторой степени положение партии Софии Палеолог.¹³ Для усиления престижа претендента на Московский великокняжеский стол к византийской его генеалогии было дополнено еще «божественное зачатие», воплощенное от призрака Сергия, якобы явившегося Софии Палеолог. Одновременно была создана доктрина «Москва — третий Рим». Она популяризовалась не только посредством литературных легенд, подобных «Сказанию о чудесном зачатии и рождении великого князя Василия Ивановича всея России самодержца». Были привлечены также средства образительного искусства — живописи. Идея эта определила содержание ряда монументальных росписей первой половины и середины XVI в. Ею проникнуты были росписи Золотой палаты кремлевского дворца (1547—1552 гг.)¹⁴ и существующие ныне росписи стен Смоленского собора Новодевичьего монастыря в Москве (1526—1530),¹⁵ а также иконы «Церковь воинствующая».

Автором легенды о чудесном зачатии и рождении является, вероятно, митрополит Иосаф, бывший игумен Троице-Сергиевой лавры.¹⁶ В Нико-

¹² ПСРЛ, т. XII, стр. 246, 249, 255.

¹³ На пелене вышита серебром следующая летопись: «Лета 7007 создана сия пелена при благоверном и Великом князе Иване Васильевиче Всея Руси и при его сыне Великом князе Василье Ивановиче и при Архиепископе Митрополите замышлением и повелением Царевны Царегородския, Великою княгинею Московскою Софиею Великому князю Московскому. Молилася Троице живоначальныя и Сергию Чудотворцу и приложила сию пелену» (А. В. Горский. Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры. — ЧОИДР, 1878, кн. 4, стр. 42). Пелена в настоящее время находится в экспозиции Загорского историко-художественного музея-заповедника.

¹⁴ Золотая палата разобрана была в XVIII в. Описание содержания ее росписей составлено в 1672 г. художником Симоном Ушаковым и подъячим Клементьевым. См.: С. Бартенев. Москвский Кремль в старину и теперь. Кн. II. М., 1916, стр. 192.

¹⁵ Л. С. Ретковская. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. М., 1954, стр. 19 и 23.

¹⁶ Митрополит Московский Иосаф (Скрипицын) умер 27 июля 1555 г. С 1529 по 1539 г. был игуменом Троице-Сергиевой лавры. В 1539 г. партией Шуйского был возведен в сан митрополита, в 1542 г. был свергнут со святительского престола и

новской летописи, следом за ней в «Степенной книге» и «Житии Сергия» Симона Азарьина сказано, что «сия же повесть явлена бяше митрополитом Иосафом всея Руси, еже он слыша от уст самого великаго князя Василия Ивановича, всея Руси самодержьца». Василий III умер в 1533 г., когда Иосаф был еще игуменом Троице-Сергиевой лавры; запись и литературная обработка сообщенной им дворцовой легенды была, вероятно, сделана до 1542 г.

Верхний левый угол средника интересующей нас иконы художник посвятил именно этому дополнению в «Житие Сергия», сделанному Симона Азарьиным. Над композицией имеются следующие надписи: «Чюдо о чудесном зачатии и о рождении великаго князя Василия Иоанновича // всея Руси самодержьца // глава 54» и рядом строка в строку на продолжении тех же линеек (чтобы не спутать тексты, между ними поставлены кресты) следующий текст: «+ о видении ангела служаща с блаженным // Сергием глава 51; + и о видении // божественного // огня глава 31».¹⁷

Под этими названиями трех глав изображена справа вверху, на фоне зеленого лесистого холма, группа женщин в белых апостольниках, сопровождающая Софию Палеолог, одетую в парадную женскую одежду с золотым плечьем, на голове, поверх белого платка, золотой короной. Перед ней стоит преподобный Сергий, в руках, устремленных к Софии, держит младенца, окутанного в белые одежды. Правее этой группы за красной крепостной стеной и воротами изображен белый пятиглавый собор, внутри которого над престолом, перед иконой «Богоматери умиление», стоит Сергий в священническом облачении и держит в руках потир, над которым огонь. За Сергием стоит ангел и священник. Над головами Сергия и ангела нимбы. Позади этой группы два монаха. Правее над воротами монастыря с одноглавой надвратной церковью изображен Сергий в монашеских одеждах, беседующий с двумя монахами. Ниже, под монастырской стеной, на зеленом фоне холма сидит София Палеолог, засунувшая левую руку за пазуху одежды, как бы ищущая там младенца, вложенного в лоно. Кругом нее в смятении сгрудились женщины ее свиты. Сгруппировав сюжет чуда о зачатии с явлением божественного огня Сергию во время служения литургии, художник или заказчик усиливает чудесность и необычайность рождения московского царя Василия Ивановича.

Остановимся на следующей, 55-й главе «Жития Сергия» Симона Азарьина «Чюдо преподобнаго Сергия чудотворца о преславней победе на Литву у града Опочки». Сравнение текста этой главы с текстом 11-й главы шестнадцатой степени «Степенной книги» показало, что в 55-й главе имеются странные сокращения, вряд ли сделанные самим Сином Азарьиным. Исключены два отрывка, непосредственно связанные с именем Сергия, и все связанное с именем воеводы князя Александра Владимировича Ростовского,¹⁸ который фактически обеспечил

гослан сначала в Кирилло-Белозерский, а затем в Троице-Сергиев монастырь (см.: Русский биографический словарь, Ибак—Ключарев, СПб., 1897, стр. 292—293).

¹⁷ Здесь и далее курсивом выделены слова, не сохранившиеся в надписях и восстановленные согласно текстам источников.

¹⁸ «Изымани (пленные, — В. Ф.) же людие поведаху сице: „Мы убо егда обстояхом град сей и многжды видехом на стрельнице града сидяща мниха. Мы же изо многих пушек и с пищалей стреляхом на него, и ничто же вреди его. И ужас объят нас, и сами побежени быхом“»; и второй отрывок: «...на него же посла нам на помощь угодника своего, великаго чудотворца Сергия и всех святых» (ПСРЛ, т. XXI, ч. 2, стр. 594).

победу над осаждавшим город врагом.¹⁹ Это понятно: Симон Азарьин исключает фактического организатора победы с целью возвеличения чуда Сергия и его имени. Но исключение отрывков легенд, связанных с чудесами Сергия, можно объяснить только тем, что сделали это печатники, которые, как известно, исключили много глав, а остальное напечатали с сокращением. Своим содержанием глава связана с героической обороной города Опочки в 1517 г., которая является эпизодом войны, начатой Василием III в 1513 г. Результатом этой войны, которую вело Московское государство с целью укрепления своих западных границ путем отвоевывания русских территорий, входивших в это время в состав Великого княжества Литовского, было возвращение города Смоленска в 1514 г. и других западных областей. Временем возникновения легенды и литературной ее обработки можно считать период с 1516 г. до середины XVI в., когда митрополитом Макарием была завершена «Степенная книга», ибо в другие летописные своды эта легенда не вошла.

Из изложенного выше следует, что Симон Азарьин в качестве первоисточника пользовался списком «Степенной книги», из которой он выбрал легенды, связывающие имя Сергия Радонежского с некоторыми историческими событиями. На интересующей нас иконе следует в середине средника, под сценой «чудесного зачатия Василия Ивановича», на фоне желтого (охристого) холма, восьмистрочная надпись: «Чюдо преподобного Сергия преславней // победе на литву у града Опочки // тогда в видении сна // жене некоей явися // святыи Сергий и каза // есть камении // много в земли у церкви // глава 55» (рис. 2).

Художник изобразил каменную стену осажденной крепости и белый одноглавый собор. Над собором сбоку изображено внутреннее пространство дома. На белых постелях, под красным покрывалом, положив голову на руку, лежит женщина. Перед ней полуфигура Сергия в монашеском одеянии с жестом рук разговаривающего человека. Справа от собора та же женская фигура в белом апостольнике стоит за грудой камней и как бы разговаривает со стоящим около нее мужчиною. Слева от собора толпа. Впереди ее четыре фигуры юношей, бросающие со стен большие камни. Под стеной воины, лезущие по осадным лестницам и падающие с них под ударами камней. На переднем плане справа стреляющий из лука в город воин.

Следуя дальше по тексту «Жития Сергия», написанного Симоном Азарьиным, остановимся на 56-й главе, которая названа «О Свяжском граде сказание». Как показало сравнение текстов, Азарьин пользовался для этой главы уже не «Степенной книгой», текст которой совершенно расходится с изложением этой главы, а Казанским летописцем. Самыми близкими из опубликованных текстов списками Казанского летописца к варианту, которым пользовался Азарьин, являются так называемый «Соловецкий список»²⁰ и список, принадлежавший В. Н. Перетцу.²¹ Но оба эти списка более близки между собой, чем каждый из них к изло-

¹⁹ Князь Александр Владимирович Ростовский был одним из выдающихся полководцев начала XVI в. В 1517 г. под его предводительством был сделан быстрый поход из Великих Лук к Опочке. Он был украшен пальмою победы, одержанной в трех местах близ стана Константина Острожского над литовцами, богемскими и немецкими наемниками и новой ратью, посланной Сигизмундом к Острожскому (Ярославские губернские ведомости, 1850, № 7, стр. 64).

²⁰ Соловецкий список происходит из Анзерского скита, написан скорописью XVII в., издан Г. Э. Кунцевичем (ПСРА, т. XIX, СПб., 1903).

²¹ Список В. Н. Перетца опубликован Г. Н. Монсеевой (Казанская история. М.—Л., 1954).



Рис. 2. Хождение Софии Палеолог в Троицкую лавру, служение Сергием литургии, осада города Опочки. Деталь средника иконы «Сергий Радонежский с житием». XVII в. (Ярославский музей, инв. № И-394).

жению 56-й главы. В обоих списках имеется похвала любви Сергия к Свяязску, проявляемая якобы им в различных чудесах. Фрагмент этот, например в «Соловецком списке», занимает почти целую страницу 59-го листа.²² Если бы у Азарьина был список с подобным включением, то он как агиограф Сергия безусловно его бы использовал, фактические же данные, имеющиеся в обоих списках, в некоторых местах бывают сходны с данными, упоминаемыми Азарьиным, а также имеют и некоторые разночтения. Например, в 56-й главе сообщается о построении в городе Свяязске при его основании деревянной соборной церкви; это соответствует списку В. Н. Перетца и не соответствует «Соловецкому списку», в котором говорится о построении каменного собора; у Азарьина число стрельцов в улусах черемисов, так же как и в «Соловецком списке», сорок тысяч, а в списке В. Н. Перетца двенадцать тысяч и т. д.

В классификации списков по редакциям, предложенной Г. Н. Моисеевой, глава эта в Казанской истории (30-я) имеется в обеих редакциях (первой и второй), так как вторая редакция не является переработкой всей Казанской истории, а написана заново только с 50-й главы, все первые 49 глав идентичны.²³ Таким образом, мы можем считать, что в данном случае через изложение Азарьина мы сталкиваемся с переработкой первой редакции Казанской истории, написанной в 1564—1565 гг. Одновременная его близость и отличие сохранившихся до нашего времени списков свидетельствует о том, что список, которым пользовался Азарьин, или не сохранился, или еще неизвестен современным исследователям древнерусской литературы. В этой главе повествуется об основании и чрезвычайно быстром строительстве города Свяязска в 1551 г.: «Не во многи дни поставиша град велик и украшен зело».²⁴ Это необычайно быстрое строительство города за тридцать восемь или сорок шесть дней²⁵ было осуществлено за счет того, что на ладьях из Белозерских лесов по Волге были привезены готовые срубы, из которых построена одна часть города, другая же его часть была построена из леса, срубленного на месте основания города. Об этом кратко и вразумительно сказано в «Царственной книге»: «Город же ... сверху привезен, на половину тое горы стал, а другую половину воеводы и дети боярские своими людьми тотчас зделали, велико бо бяше место, и совершили город в четыре недели».²⁶

В 56-й главе «Жития», вслед за описанием основания города, очень подробно описаны топографические особенности местности.

Большой исторический интерес представляет сообщение о добровольном присоединении к России горных черемис, которые представляли собой добрую половину Казанского ханства. В завершение главы автор Казанской истории, а за ним и Симон Азарьин сообщают о том, что все это было предзнаменовано чудом Сергия Радонежского, тень которого якобы явилась за шесть лет в этих краях и ознаменовала место основания города.

²² ПСРЛ, т. XIX, стлб. 62—64.

²³ Казанская история, стр. 22.

²⁴ Азарьин. Житие, л. 123.

²⁵ Начато строительство было по списку «Соловецкому» 24 мая, по списку В. Н. Перетца — 16 мая и по обоим спискам окончено 30 июня (Казанская история, стр. 87).

²⁶ ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, СПб., 1906, стр. 466; Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» (т. 8, СПб., 1817, стр. 121) пишет: «Стены и церкви, срубленные в лесах углицких, были посланы на судах Волгою». Об этом же в Казанской истории сказано: по Волге «везуци с собою готовый град древяный на великих лодьях белозерских» (Казанская история, стр. 87).

В правом верхнем углу средника иконы в три строки по золотому фону надпись: «О свияжском граде сказание в лета 7059-го мая 16 день в субботу 7-ю по пасце // от царя и великаго князя Иоанна Василиевича посланы воеводы // с Шихаалем царем касимовским глава 56». Художник изобразил топографию местности, согласно описанию, взятому Симоном Азарьинным из Казанского летописца, где сказано: «Место же то таково, идеже поставися град: прилежаху бо к нему, подале от него превысокия горы, и лесом верхи своя покрывающе, и стремнины глубокия, и дебри, и блата; и близ же града об едину страну озеро мало, имеюще в себе воду сладку и рыб всяких много малых, довольно на пищу человеком, и из него же округ града течет Шука-река, и, мало шед, въ течет в Свиягу-реку».²⁷ Художник нарисовал охрой и зеленой краской горы с деревьями, между которых озеро и река Шука. За рекой двое юношей рубят деревья для строительства города, а слева, на фоне зеленых гор, написаны трое юношей-охотников, один убегает, а двое из луков стреляют в монаха (Сергия), простершего руку над изображенным ниже городом Свияжском. За фигурой Сергия просматриваются разлинованные графьей (процарапанные по левкасу) линии для надписи, но поясняющего текста художник здесь писать не стал. Ниже изображение реки Шуки, справа от города на зеленом фоне еще группа из трех юношей, рубящих деревья, и бояре, дающие им распоряжение о рубке леса и строительстве города (рис. 3). На фоне всех этих изображений, как бы тонущих в темно-зелено-коричневых тонах, выделяются на фоне светло-коричневатой горы хоромы наместника с белой церковью за ними и острыми верхами домов и церквей.²⁸ Внутри хором, на золотом троне, восседает наместник московского царя Шиг-Алей — царь касимовский. Художник изобразил молодого мужчину с короткой окладистой бородой. На голове у него корона, в правой руке скипетр. За тронем его свита — воеводы.²⁹ Перед ним толпа, вероятно, черемисы,³⁰ во главе которой боярин или воевода из свиты Шиг-Алея. На его плечи накинута шуба с длинными рукавами, жестом рук и головы он обращен к Шиг-Алею.

Под городом Свияжском художник поместил взятие города Казани, согласно 57-й главе «Жития Сергия», написанного Симоном Азарьинным. На фоне желтой горы, которой отделена эта композиция от вышерасположенной, в четыре строки коричневой краской написано следующее: «О явлении // преподобнаго Сергия во граде Казани видеша от них мнози // по стенам града ходяща и крестом его осеняюща // и водо

²⁷ ПСРЛ, т. XIX, стлб. 63.

²⁸ О построении собора во имя Рождества богородицы, с приделом Сергия Радонежского и монастырей сообщено в летописи (ПСРЛ, т. XIX, стр. 62) и в описании города Свияжска в «Словаре географическом Российского государства» (М., 1807, ч. 5, стр. 791). В собор были вложены в 1552 г. колокол со следующей надписью: «Божиею милостию, повелением благовернаго царя и великаго князя Иоанна Васильевича, государя всея России, Владимирского, Московского, Новгородского, Псковского сделан сей колокол в Москве от Адама 7060 г. от рождества Христова 1552», икона «Рождество богородицы» и облачения, сшитые из царских одежд.

²⁹ С Шиг-Алеем были посланы следующие воеводы: Петр Шуйский, Семен Никлин, Василий Оболенский Серебряный, Петр Серебряный, Иван Челядин, Данила Романов, Иван Хабаров, Иван Шереметьев и другие воеводы (Казанская история, стр. 87).

³⁰ «Вся горная страна, чувашы, мордва, черемисы — идолопоклонники финского племени, некогда завоеванные татарами и не привязанные к ним единством веры или единством языка — послали своих знатных людей в Москву, дали клятву в верности России, получили от царя жалованную грамоту с золотого печатью, были приписаны к новому городу Свияжскому и на три года освобождены от ясаков и дани» (Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. 8, стр. 122, 123).

(«ю» пропущено, — В. Ф.) кропяща глава 57». Художник изобразил город, обнесенный красными стенами с зубцами и бойницами, башнями и многоярусными боями, машикулями и шатровыми верхами. Над стеной

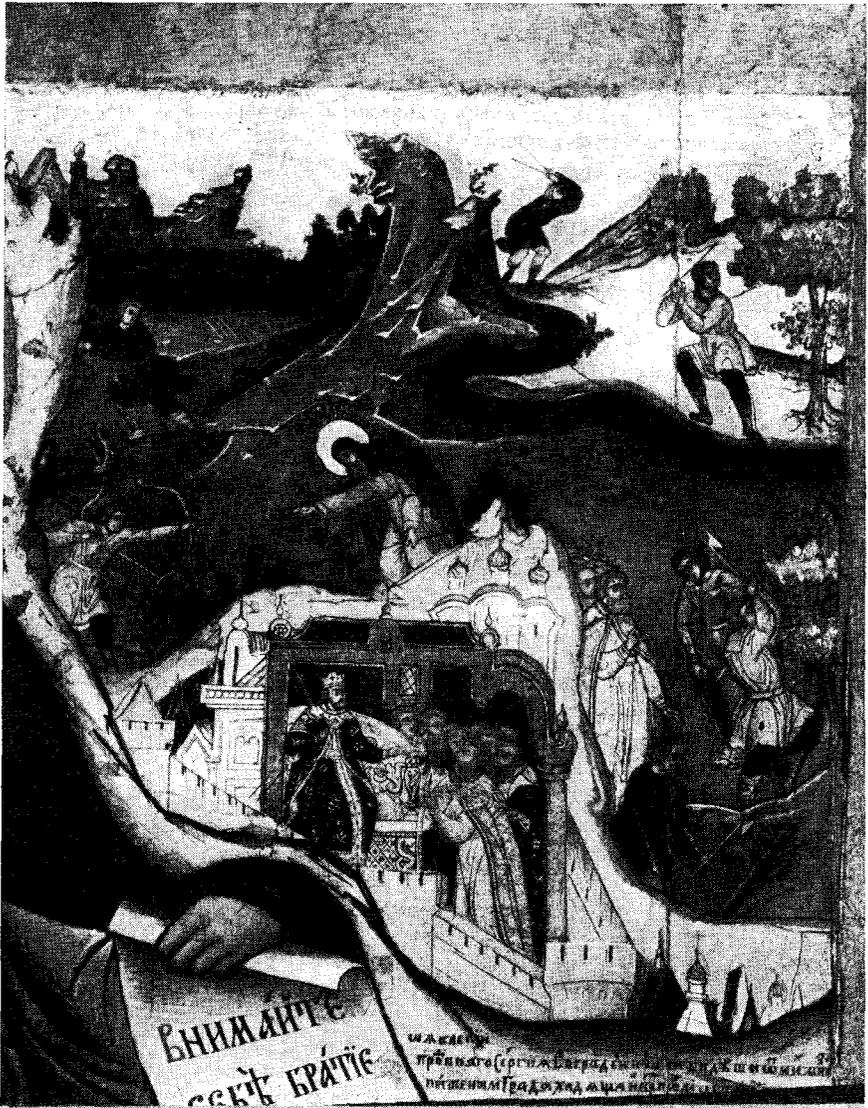


Рис. 3. Основание города Свяжска и присоединение горных черемис. Деталь средника иконы «Сергий Радонежский с житием». XVII в. (Ярославский музей, инв. № И-394).

слева Сергий с чашей в виде золотого потира в левой руке. Внутри города толпа мужчин в халатах, смотрящая в сторону Сергия. В 30-й главе Казанского летописца говорится о явлении на стенах города Казани до его взятия монаха, кропящего их. У Азарьина в 57-й главе этот монах назван именем Сергия. Любопытно отметить, что во всех известных тек-

стах о Казанском взятии, нигде не встречается в этом эпизоде имя Сергия.³¹ Откуда его взял Азарьин, нам неизвестно. Сравнение текстов Азарьина с опубликованными материалами свидетельствует о их взаимной близости и в то же время о том, что Азарьин не пользовался ни «Степенной книгой», ни списками Казанской истории, или Казанского летописца, так называемой второй редакции, которая появляется в 90-х годах XVI в.³² Все это позволяет сделать вывод о том, что Симон Азарьин пользовался при составлении 56-й и 57-й глав не дошедшим до нашего времени или еще неизвестным исследователям древнерусской литературы списком так называемой первой редакции. Художник изобразил момент взятия города. За стеной внутри города идет сражение. Над толпой осажденных белый флаг. В ворота крепостной стены входит толпа воинов, у ворот справа стоит юноша и бьет в барабан. На переднем плане воин трубит в трубу. За ним возвышается на черном коне с золотой сбруей фигура воина, одетая, как и все, в золотые латы и шлем, но в отличие от остальных у него поверх лат наброшен красный плащ. В левой руке он держит вожжи, в правой же, поднятой до плеча, держит что-то наподобие копья или скипетра. Лицо молодое, с короткой окладистой бородой и усами. Вероятно, художник имел в виду образ молодого Иоанна IV, которому в год взятия Казани исполнилось 22 года. Эта особенность, так же как и отмеченная художником полнота Софии Палеолог в иллюстрировании главы 54-й, свидетельствуют о том, что, кроме текста «Жития Сергия», написанного Симоном Азарьиным, художник пользовался другими историческими источниками, скорее всего списками летописных сводов, знал события и лиц, которые изображал.

Все последующие главы, автором которых Симон Азарьин также себя не считает, являются выдержками, взятыми из «Сказания» Авраамия Палицына.³³

Сам же Азарьин, заканчивая извлечения, сделанные им из «Сказания» Палицына, пишет: «Повествоуют же ся и ина многа чудесех сего великаго чудотворца Сергия, я же бывшая во осаде во обители его, но о сем зде прекратихом споведовати, понеже история о сем особь имеет о том велика сказания, о бывшей брани на дом живоначальныя Троицы, и чудотворца Сергия и како молитвами и явлением многаши спасаеми бываху, случившиися во осаде людие во обители святаго. И аще хошет кто оуведети большая, и той възем да прочитает, тамо о бывших явленийнх святаго и о чудесех его, еже кратным храненияя и оучения, историйную книгу. А зде от части мало нечто предложихом, слышаще милование святаго ко обретшимся тогда. И зде убо токмо чудеса святаго изъявлена соуть, а не ратных обычай и сия убо да зде мы же напредълежаще да возвратимся».³⁴

Мощные крепостные сооружения Троице-Сергиевой лавры, стойкая воинская выдержка ее народных защитников имела большое значение в борьбе русского народа против интервенции польско-литовской шляхты в 1608—1610 гг. Осада крепости, длившаяся шестнадцать месяцев, была

³¹ В «Царственной книге» (ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 502), в Казанском летописце (ПСРЛ, т. XIX, стр. 312), в Казанской истории, стр. 89. Здесь есть чудеса и явления апостолов Петра и Павла, Николая Мирликийского, Даниила Переяславского, но о явлении Сергия нигде ничего нет.

³² Г. Н. Моисеева сообщает, что из известного ей 231 списка к первоначальной редакции, возникшей в 1564—1565 гг., относится семь списков, ко второй редакции относятся остальные списки (Казанская история, стр. 20—21).

³³ «Сказание» Авраамия Палицына. Подготовка текста и комментарии О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. М.—Л., 1955.

³⁴ Азарьин. Житие, л. 129.

начата по замыслу интервентов внезапным ночным нападением на нее 23 сентября 1608 г. Глава 58-я «Жития Сергия» написана на основе содержания главы 19-й «Сказания» Палицына и повествует о первом бое, разыгравшемся в ночь на 23 сентября. Азарьин в этой и во всех последующих за ней одиннадцати главах извлекает из «Сказания» только чудеса Сергия, а не сущность ратных подвигов и других событий, описанных Палицыным. Используя в данном случае текст 19-й главы «Сказания», Азарьин сильно сокращает его, даже исключает из описания место основного удара интервентов — Пивную башню, и только одну фразу — о хождении тени Сергия по стенам и службам монастыря и крепления их святою водою — он сохраняет неприкосновенно. Следующая, 59-я глава «Жития» написана по 24-й главе «Сказания». Из этой главы Азарьин заимствует только абзац, где рассказывается о явлении Сергия Троицкому архимандриту Иосафу и ободрении братии и защитников монастыря своим заступничеством свыше. Для глав 60-й и 61-й таким же образом соответственно использованы главы 25-я и 26-я «Сказания». В главе 61-й даже не помещено чудо явления архистратига Михаила архимандриту Иосафу, поскольку оно не имеет отношения к агиографии Сергия.

Глава 62-я «Жития» «О явлении преподобного Сергия чудотворца литовским воем» написана на основании 30-й главы «Сказания». Азарьин в данном случае составляет краткий конспект всей главы с тенденцией на прославление Сергия. При этом он выпускает очень важный для истории осады факт соединения войска Лисовского с Сапегою и сразу переходит к описанию самого приступа на крепость, сохраняя полностью место, в котором Палицын описывает упорное сопротивление оборонявшихся: «...подаде им такову дерзость на сопостаты, яко и нератницы и невежди охрабришася исполинскою крепостию препоясавшася ишедше победиша сопротивныя супостаты, яко же история о сем свидетельствует».³⁵ Азарьин сохраняет и описание разгрома войска интервентов в этой решающей схватке.

Следуя далее по тексту «Сказания», обнаруживаем, что в «Житии» нет трех чудесных явлений Сергия. Два из них находятся в 34-й главе «Сказания» и одно — в главе 37-й, заглавие которой «О утешении чудотворца явлением Илинарху» непосредственно содержит в себе указание на чудо Сергия. В этой главе Палицын повествует о явлении Сергия пономарю Иринарху во время его пребывания в Москве по делам организации обороны крепости Троицкой лавры. Вероятно, это чудо было исключено книгопечатниками, а не самим Симоном Азарьиным. Исключение же из «Жития» двух совместных явлений Сергия и Никона (из главы 34-й «Сказания»), возможно, умышленно сделано самим Азарьиным, так как оба эти чуда связаны с призывом к порядку не в меру разгулявшейся братии и ратников, находящихся в осаде. Они вино добывали из лагеря противника на серебро, полученное от незаконной продажи хлеба и других продуктов. Скорее всего высокий стиль чудес «Жития» Азарьин не хотел снижать изображением неблагоприятного поведения монахов и воинов.

Следующая, 63-я глава «Жития» — «Повесть о явлении Сергия чудотворца Андрею Болдырю, како молитвами его подаде бог на супостаты победу», написана так же, как и глава 62-я, т. е. является тенденциозным конспектом соответствующей главы «Сказания». Но сокращая описание сущности приступа в 46-й главе, Азарьин выпускает особенность

³⁵ Там же.

этой операции, предпринятой войском интервентов. Палицын в первой половине главы 46-й пишет о том, что Зобровский, прибыв к войску, осаждавшему крепость лавры, упрекал воевод Лисовского и Сапегу за то, что они в течение столь длительного времени (более десяти месяцев) ведут безрезультатную осаду и не могут «лукошко взять да ворон переправить». Он назначает третий, по его расчетам решающий, удар на крепость на 31 июля. В ночь перед приступом, пишет Палицын, войску было небесное знамение: луна на небе, «яко огонь скакашу», а звезды испускали такой великий свет, который «падаху над монастырем и вьокруг монастыря».³⁶ Все это, как и начало главы о подготовке решающего штурма крепости, Азарьиным выпущено, по-видимому, оттого, что непосредственно не связано с именем Сергия. И начинает он главу «Жития» с сокращенного пересказа абзаца, непосредственно предшествующего сказанию Андрея Болдыря, не вникнув в то, что абзац этот является соединительным звеном между сказанием о звездном дожде и рассказом, передаваемым от имени Болдыря. Непосредственно за этим вступлением повествуется о чуде Сергия, сущность которого сводится к следующему: когда все войско под руководством Зобровского готовилось к решающему штурму стен крепости, подразделению, которым командовал Андрей Болдырь, было чудесное явление. Якобы между ними и стеной потекла бурная река, несущая вырванные с корнями деревья и камни. На стене же появились два старца, грозящие всем тем, кто отважится на приступ, что им придется плыть по этому бурному потоку: «...се видехом явно, яко река, течаше велми быстра между нами и монастырем. В волнах же сломленное великое колодие, и лес мног несет; и с корением великая деревья, и камень и песок изо дна, яко горы велики восходяще. Бога же свидетеля предъставляху тому, яко видехом двою старцу сединами украшенных, и кличуща со града ко всем нам великим гласом, всем вам окаянным тако плыти».³⁷ Эта сочиненная Болдырем и украшенная Палицыным легенда нужна была в оправдание перехода войскового подразделения во главе с Андреем Болдырем на сторону осажденных в лаврской крепости после неудачного штурма. Далее Азарьин опять выпускает несущественную с точки зрения «Жития» заключительную часть 46-й главы, где Палицын повествует о том, что жестокий приступ интервентов захлебнулся в крови. Войско их понесло очень большие потери совершенно безрезультатно.³⁸

Этот эпизод — один из решающих приступов крепости — художник подробно иллюстрировал. Над этим сюжетом была четырехстрочная надпись, но она не сохранилась. В нижнем левом углу средника иконы, под осадой города Опочки, на фоне зеленых холмов изображена битва двух войск. Под ней крепостное строение Троицкой лавры с башнями и бойницами на стенах. За стеной — белая звонница и одноглавый собор, различные монастырские строения, монахи и воины, но не в воинском действии, а беседующие. Над стеной два старца с венцами на головах: Сергий и Никон. Под стенами крепости река, на берегу которой войско, не сражающееся, а совещающиеся между собой начальники и воины, все в латах. Двое первых на конях, черном и белом. Над войском два белых флага. Здесь художник явно представляет момент принятия Андреем Болдырем решения о сдаче своего войска после проигранного им боя.

Последующие две главы (64-я и 65-я) написаны Азарьиным на основе 48-й главы «Сказания» без существенных сокращений и перера-

³⁶ «Сказание» Авраамия Палицына, стр. 181—182.

³⁷ Азарьин. Житие, л. 129 об.

³⁸ «Сказание» Авраамия Палицына, стр. 183.

боток. Далее пять глав «Сказания» Азарьин выпустил, потому что эти главы не связаны с именем Сергия, а две главы (52-я и 53-я), являющиеся похвалой Сергию и Никону, не повествуют о конкретных, свершенных ими чудесах. Следующая (54-я) глава «Сказания» «О гладе велицем во осаде бывшем на Москве, и о житопродавцах, и о умножении потреб на Троицком подвории в Богоявленском монастыре молитвами преподобных отец Сергия и Никона» должна быть помещена в «Житии Сергия» перед главой 66-й «О явлении чудотворца Сергия на Москве с хлебы». Также она должна быть (как и в «Сказании») логическим продолжением борьбы с хлебным голодом в осажденной Москве. В главе 66-й, начиная с названия, полностью воспроизведен текст 55-й главы «Сказания» с некоторыми незначительными редакционными изменениями, сделанными Азарьиным. Повествуется в ней о том, как в осажденный Московский Кремль, якобы из Троице-Сергиевой лавры, через восточные (возможно, Фроловские, ныне Спасские) ворота было привезено двенадцать подвод с печеным хлебом.

В изображении этого сюжета на интересующей нас иконе, в правом нижнем углу средней ее части, художник обнаруживает не только глубокое знание текста, как при изображении г. Опочки или г. Свяжска, но показывает еще свое непосредственное знание Москвы, как и Троицкой лавры. Но изображение Московского Кремля, как и Троицкого монастыря, не топографическое, если так можно выразиться, а символическое. Художник выбирает только те особенности и сооружения, которые определяют изображаемое место, или только те, которые непосредственно связаны с текстом «Жития». На переднем плане Москва-река (рис. 4). Над ней красные крепостные стены с зубцами и башнями. И несмотря на то что на первый взгляд стены и башни во всех сюжетах производят впечатление полной однотипности, при внимательном рассмотрении они оказываются различными и имеют свои отличительные черты, характерные для каждой крепости.

Правая угловая башня над рекой по своим стройным пропорциям напоминает Беклемишевскую. И хотя художник, повторяю, выпускает ряд сооружений, в том числе и башен, но мы различаем белые верха Фроловских (Спасских) ворот с шатровым покрытием, законченным золотым двуглавым орлом. В пролеты звонницы виден колокол, под звонницей золотой диск циферблата часов. Левее башни столп колокольни Ивана Великого и часть крытого по закомарам Успенского собора. Даже Архангельский собор художник не изображает, ибо в тексте «Жития» хлебы посылают «к Москве, в дом пречистыя Богородицы».³⁹ Перед Успенским собором условно изображены дворцовые палаты Московского Кремля. В палатах на золотом троне восседает царь Василий Шуйский и перед ним несколько человек с жестами рук, свидетельствующими о диалоге между царем и стоящими. Эта сцена целиком повторяет композицию, уже написанную художником в большем размере в сюжете «О граде Свяжске» (мы имеем в виду сцену с Шиг-Алеем). Под палатами стоит юноша в красной рубахе, с ним беседует преподобный Сергий. За Сергием еще одна фигура монаха и несколько лошадей, за лошадьми, на втором плане, еще одна группа людей, беседующих с монахом. Над стенами Московского Кремля, справа от зрителя, крупным планом изображены две группы воинов, во главе одной всадник в латах и шлеме на белом коне и со знаменем. Позади этой группы, за зеленым холмом, верхи палаток военного лагеря. Все это олицетворяет интервен-

³⁹ Азарьин Житие, л. 131.



Рис. 4. Осажденная Москва, чудо о хлебах. Деталь средника иконы «Сергий Радонежский с житием». (Ярославский музей, инв. № И-394).

тов, осадивших Москву. Над этим сюжетом едва различимы только подчеркнутые на левкасе строки для поясняющей надписи, но от букв не осталось и следов. На этом сюжете художник завершает иллюстрирование новых глав, добавленных Симоном Азарьиным к старым редакциям «Жития Сергия».

Следующая, 67-я глава «Жития» — «О явлении чудотворца Сергия, Гласунскому архиепископу Арсению», написанная на основании 69-й главы «Сказания», дана с некоторыми сокращениями. По замыслу Азарьина, этой главой должны быть завершены чудеса, заимствованные им из различных посторонних источников, ибо заканчивается она словами: «аще хощет кто увести большая, и той възем да прочитает тамо о бывших явленных святого и о чудесех его, еже кратным хранения и учения, и историйную книгу, а зде отчасти мало нечто предложихом».⁴⁰ Если бы этой главе не надлежало быть последней, то незачем было давать подобную концовку. Но после этого завершения, сделанного Азарьиным, напечатаны еще две главы на основании «Сказания» Авраамия Палицына. Одна из этих двух глав (69-я) перемещена случайно печатниками при наборе. Другая же, 68-я глава — «Чудо преподобного богоносного отца нашего Сергия чудотворца о немом» — написана на основании 77-й главы «Сказания» и не имеет прямого отношения к смутному времени. Возможно, что ее поместил и сам Азарьин после всех чудес, связанных с историей этого времени, но возможно, что ее дополнили на печатном дворе вместо исключенных из «Жития» глав, отражающих исторические события того времени, но записанных, по-видимому, самим Симоном Азарьиным. К разряду таких глав «Жития» можно отнести исключенные печатниками главы «О боярине Иване Никитиче Романове, како спасен был на пути от озлобления и от юз»; «О явлении чудотворца Сергия Козьме Минину и о собрании ратных людей на очищение государству Московскому» и «О послых иже от моря спасены быша. О полковнике Лисовском, как погиге, хваляся на обитель чудотворца Сергия». Главы эти сохранились в рукописи Симона Азарьина с предисловием 1653 г. под номерами 8, 9 и 12.⁴¹ Все эти главы по своему содержанию должны сочетаться с главами, написанными на основании «Сказания» Авраамия Палицына, но были исключены печатным двором, по-видимому, оттого, что не имели авторитетных исторических источников, подобных «Степенной книге», «Казанскому летописцу», «Сказанию» Авраамия Палицына, а были написаны самим Симоном Азарьиным по собранному им устным легендам о Сергии, к которым относятся все последующие главы, начиная с 70-й и до 99-й главы «Жития».

Если при составлении новой редакции «Жития Сергия» Симон Азарьин из различных источников выбирал «чудеса» Сергия, связанные с историческими событиями, и написал сам тридцать глав на основании монастырских преданий, то художник, получив заказ на икону «Сергия с клеймами жития», из новых, дополненных Симоном Азарьиным «чудес» выбрал только те, которые Азарьин заимствовал из исторических источников, и преимущественно такие, которые помогли одержать русскому войску победу над врагами и интервентами. Неизвестными остаются не только имя художника, но и место (церковь), для которой данная икона была заказана. По своему размеру и композиционным особенностям она могла быть только иконой «местного» яруса иконостаса и быть храмовой святыней. В Ростово-Ярославской и Костромской епархиях не было ни

⁴⁰ Там же, л. 136 об.

⁴¹ ПДП, т. LXX.

одной церкви, посвященной преподобному Сергию, откуда икона могла поступить в Ярославский музей, но было несколько церквей и престолов в приделах, посвященных Троице. Судя по годам построения и основания церквей и приделов, посвященных Троице, икона могла быть написана или для церкви Троицы у Власия, построенной в Ярославле в 1648 г., или для церкви Троицы в селе Колясниках б. Костромского уезда, под городом Даниловом. Считаем более вероятным второе предположение. Каменная Троицкая церковь в селе Колясниках принадлежала ранее упраздненной мужской пустыни и была построена в 1683 г. на средства келаря Троице-Сергиева монастыря Прохора, имела два придела — Троицы и Богоматери Казанской. Более подробные сведения об этой пустыни приводит А. Крылов.⁴² Он сообщает, что основана она была в 1634 г., когда могла быть построена в ней деревянная Троицкая церковь. В 1682 г. келарь Троице-Сергиева монастыря старец Прохор обратился к патриарху Иоакиму с просьбой разрешить разобрать деревянную Троицкую церковь с приделом и на ее месте построить каменную. Были построены две отдельные церкви — Троицкая и Казанская. В описании устройства церкви в Колясниках отмечается, что она построена по типу Троицкого собора Сергиевой лавры. Она одноглавая, четырехстолпная. Иконостас поставлен перед восточными столбами и шестиярусный, как и в Троицком соборе. Размер интересующей нас иконы близок к размерам икон «Сергия Радонежского в житии», находящихся в Троицком соборе, и к другим подобным иконам из Троицкой лавры. Но по количеству и выбору сюжетов она наиболее обширная из всех известных до настоящего времени икон «Сергия с клеймами жития». Кроме того, происхождение ее из Троицкой церкви подтверждается наличием в центре верхнего ряда клейм, непосредственно над головой Сергия в среднике, клейма с изображением «Троицы ветхозаветной». Строивший каменную церковь Троицы в Колясниках келарь Прохор, возможно, даже знал Симона Азарьина, отдал должное ему уважение, заказав икону по «Житию Сергия», составленному им. По каким-то неизвестным еще нам причинам он обратил особое внимание на сюжеты, связанные с историческими сражениями и событиями, определившими особое место в почитании Сергия Радонежского как вдохновителя борьбы русского народа за свою независимость, за объединение разрозненных княжеств в единое государство, за укрепление государства, завоевание новых земель и торговых путей.

⁴² А. Крылов. Историко-статистический обзор Ростово-Ярославской епархии. Ярославль, 1860, стр. 822.

